

Екатерина
ВИЛЬМОНТ

**Зеленые
Холмы
Калифорнии**

A • S • T

Екатерина Николаевна Вильмонт Зеленые холмы Калифорнии

<http://litres.ru/>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163189

Екатерина Вильмонт «Зеленые холмы Калифорнии»: Астрель, АСТ;

Москва; 2009

ISBN 978-5-17-060151-6, 978-5-271-24224-3, 978-5-17-060152-3,

978-5-271-24225-0

Аннотация

Три женщины... Три судьбы... Три характера... Мать, дочь и внучка... Для них не важны разделяющие их расстояния и вечный конфликт поколений. Каждая из них – одна с девичьим максимализмом, другая – с несладким грузом любовных неудач, третья, вроде бы защищенная мудростью прожитых лет, – стремится к одной и той же цели: найти свое настоящее женское счастье. Где же прячется это счастье? Может быть, далеко-далеко от родного дома, среди «Зеленых холмов Калифорнии»?

Содержание

Стася	4
Леокадия Петровна	10
Ариадна	33
Стася	35
Леокадия Петровна	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Екатерина Вильмонт

Зеленые холмы Калифорнии

Стася

– Добрый вечер, могу я поговорить со Стасей? – раздался в трубке приятный баритон.

– Я вас слушаю.

– Привет, я тебе посылочку привез.

– Из Штатов, что ли?

– Ну да, от твоей мамы.

– Куда приехать?

– Ну вообще-то я и сам могу привезти.

– Супер!

– Говори адрес... Я сказала.

– Завтра утром завезу. Часов в девять. Устроит?

– Ага.

Лёка с утра умотала на работу, а я решила наплевать на школу. Интересно же, что там опять Мамалыга прислала. Я свою родительницу Мамалыгой зову, звания мамы она не заслуживает.

Он пришел в полдесятого. Красивый – ужас, я аж затре-

пыхалась. А он на меня так внимательно посмотрел и почему-то ухмыльнулся. Я его сразу возненавидела. Он был взрослый, лет двадцати пяти, наверное, или даже больше и на меня смотрел как на писюху зеленую. Скотина...

– Ты Стася?

– Паспорт предъявить?

– Хочешь сказать, что у тебя уже есть паспорт?

– Мне семнадцать лет, если хотите знать!

– О, совсем старуха! На, старуха, держи!

Он протянул мне довольно большую сумку.

– Спасибо.

– А про мать спросить не хочешь?

– Чего спрашивать, и так все известно.

– Злишься на нее?

– А вам-то что?

– Значит, злишься. Впрочем, я отчасти тебя понимаю.

– На фиг вам меня понимать? И мне на фиг ваше понимание?

– У, какая колючка! Ладно, я пошел.

– Всего наилучшего.

– Бывай здорова, Стася. Ах да, я же хотел спросить: Стася – это Анастасия?

– Нет, Станислава.

– Есть такое имя? Вот достал!

– Выходит, есть!

– Ладно, извини, пока!

Да, с именами у нас в семье обстоит круто. Бабка – Леокадия, Мамалыга – Ариадна, я – Станислава. Нехило, да? Хотя мне мое имя нравится. Оригинально. Но не глупо. Не Изabella какая-нибудь или Клеопатра.

В дверь опять позвонили.

– Кто?

– Панна Стася, я забыл тебе еще конверт отдать.

Панна Стася! Меня как что-то стукнуло изнутри, даже живот заболел.

– Вот держи.

– Спасибо. А вас как звать?

– Меня? – почему-то здорово удивился он.

– Ну да, кого же еще!

– Игорь, а что?

– Ничего, просто спросила. Идиот он, что ли?

– Ну пока, панна Стася.

– А вы что, там живете, в Штатах?

– Живу.

– А... ее откуда знаете? – Я кивнула на сумку.

– Ариадну? Мы с ней в одном бизнесе крутимся. У тебя, кстати, красивая мама.

Я поперхнулась, закашлялась. А он засмеялся, да так, что у меня опять живот заболел.

– Ладно, я пошел. Там, между прочим, приглашение. – Он показал на конверт.

– Опять? Ей не надоело?

– Выходит, не надоело. А ты дура!

– Это почему?

– Разве кисло посмотреть Америку? Знаешь, какая красота у нас в Калифорнии? Ну пока!

Он ушел. А я, конечно, прибалдела от него, от этого Игоря. Вообще-то я уже была влюблена в другого Игоря, из параллельного класса, с красивой фамилией Марвич. Но рядом с американским Игорем он сразу как-то скукожился и показался мне обычным сопляком-задавакой. Этот взрослый, мужчина, он крутится в каком-то там бизнесе, в Америке, в штате Калифорния.

– Ты что, в школе не была? – удивилась Лёка.

– Не-а.

– Можно узнать почему?

– Можно. Мамалыга опять шмотки прислала.

Лёка только брови подняла.

– А письма нет?

– Есть. И приглашение.

– И ты опять его порвала?

– Не-а.

– Что это с тобой?

– Да я вот подумала... Может, стоит поехать?

– Стаська, ты издеваешься над бабкой?

– Даже не собираюсь. Она приглашение на двоих прислала, махнем?

Мать уехала в Штаты, когда мне было шесть лет. И ни разу не приезжала, только посылала тряпки и изредка деньги. Звонила регулярно, плакала в трубку, канючила, что скучает, мучается и все такое, но... А лет пять назад стала дважды в год приглашения присылать. Но я их рвала на фиг. Больно мне надо! Я обиделась на нее раз и навсегда. Чем шмотки дерьмовые посылать, могла бы хоть разок приехать. Но у нее всегда находилась тысяча причин, по которым она вот именно сейчас никак не могла себе позволить... И лет в двенадцать я решила – все, хватит, нет у меня матери и не надо. Мне и с Лёкой хорошо. Тут я точно знаю – Лёка любит меня и за себя и за мать. И Гера мне тоже за деда и за папашу, которого я и не видела никогда. Я стала называть ее Мамалыгой. Отвратительная пресная каша. Если в нее добавить кусочек сыра сулугуни, проглотить можно. В качестве сыра были посылки со шмотьем. По телефону я с ней разговаривала еле-еле, думала, ее проймет, она все бросит и приедет, а потом поняла – ничто ее не проймет. Ну и ладно. Между прочим, Лёка тоже обиделась. Но Мамалыга ей все же дочь и она от меня эту обиду скрывает. Но я знаю...

...Обычно я Мамалыгиных писем не читаю, очень нужно! Читает Лёка. Иногда комментирует, иногда требует, чтобы я прочла. А зачем? Там всегда одно и то же: «Дорогие, любимые, простите, жить без вас не могу...» Жить она без нас не может, видали? Это она без мужиков своих жить не может.

То у нее Артур какой-то был, то Джон, а то и вовсе японец. В последнее время русский эмигрант завелся, Игорь...

Когда я завалилась спать, на тумбочке письмо увидела. Значит, Лёка хочет, чтобы я его прочла.

«Солнышко мое единственное, если бы ты знала, как я тоскую, как мне стыдно и больно, что ты без меня растешь, да что там, выросла уже и влюбилась, наверное, когда ж и влюбляться, если не в семнадцать лет. Мне вот уж тридцать семь, а я все еще жду настоящей любви...»

Мне стало тошно, я это читать не хочу. Пусть ждет своей любви хоть до гроба. Дура она совсем, что ли? Я скомкала письмо и зашвырнула на шкаф. Пускай пылится до генеральной уборки. К черту, не желаю я никакой любви. Ничего в ней нет хорошего. Никто не знает, но я один раз переспала с парнем. Гадость! И девчонки все врут, что это кайф. Со всех сторон гадость!

Утром Лёка спросила:

– Прочла письмо?

– Не-а. Начала и сблеванула.

– А что насчет поездки?

– На фиг!

– Твердо?

– Тверже не бывает. Лучше в свои Мариански Лазни езжай, подлечишься, все больше толку будет.

На том мы и порешили. А на красавчика Игоря я решила забить.

Леокадия Петровна

Когда Стаська уходит в школу, я, если есть время, очень осторожно и тщательно обыскиваю ее комнату. Знаю, это некрасиво, но ничего не могу с собой поделать. Я за нее боюсь, боюсь давно, постоянно, панически. Что я ищу? Шприцы, наркотики, обгорелую ложку, противозачаточные средства – сама не знаю что. К счастью, пока я ничего такого не находила, но береженого Бог бережет... Следов моих обысков она пока не обнаружила, иначе закатила бы грандиозный скандал. Она бывает излишне резкой, даже грубой, но ведь она сирота при живой матери, отца даже я никогда не видела. Стаська сама про себя говорит, что она полукруглая соломенная сирота. Надо отдать ей должное – она девочка развитая, любит читать, и не только детективы.

Ну вот, кажется, обыскала все. Сюрпризом для меня явилось лишь то, что на сей раз она не порвала приглашение, а спрятала в стол. Неужто вдруг захотела в Америку и только из альтруизма отказывается, чтобы я могла полечиться в Марианских Лазнях? Меня эта мысль тронула до слез. А на шкафу валяются уже три скомканных письма. Давненько мы не делали генеральную уборку.

Зазвонил телефон. Бухгалтерша с нашей радиостанции.

– Леокадия Петровна, приезжайте денежки получать. Последний раз в руки даем.

– То есть как? – испугалась я.

– Дальше на карточку переводить будем.

– А у меня нет карточки.

– Сделаем, не проблема. Как раз и заявление напишете.

Кстати, придумайте заранее какое-нибудь слово, не меньше семи букв.

– Зачем? Какое еще слово?

– Кодовое, только никому не говорите. И такое, чтобы не забыть. Все, миленькая, я вас жду с двенадцати до четырех.

Кодовое слово из семи букв? Такое, чтобы не забыть? Ариадна, чего проще! Единственная дочь, которая так бездарно, нелепо, жестоко устроила свою жизнь, сломав разом жизнь дочери и матери. Когда она упорхнула за океан, мне было всего сорок шесть, по нашим временам – не возраст. Но она думала только о себе. И что? Чего ради были все эти жертвы? Чего она там достигла, в своей Америке? Сделала карьеру? Нет. Устроила личную жизнь? Тоже нет. Менять мужиков как перчатки можно и здесь. И, по-видимому, с каждым годом шансов у нее все меньше, Дура, жестокая эгоистичная дура. И это я виновата, я воспитала ее такой. Нет, я ее такой не воспитывала. Я старалась привить ей... Ах, да какая разница теперь, что я там старалась ей привить... Как говорится, что выросло, то выросло. Теперь главное – не упустить Стаську. Но почему же все-таки она не выбросила приглашение?

Ненавижу нововведения, вроде зарплаты на карточках, электронных пропусков и прочей дребедени, хотя радиослушатели считают меня вполне современной и, как выражается Стаська, «суперпродвинутой бабкой». Всю жизнь смолоду я проработала диктором Всесоюзного радио, а потом наша профессия «принакрылась медным тазом». А надо было на что-то жить и растить Стаську. Тогда я стала репетитором, подтягивала по русскому языку безграмотных компьютерных детей. Иногда мне хотелось убить этих долдонов или самой удавиться, и я твердо решила ни за что не заводить в доме компьютер, чтобы Стаська научилась читать и писать как нормальный ребенок, хотя, конечно, она клянчила и ка-нючила, но я отвечала, что у меня просто нет денег. С тех пор я приучилась скрывать от нее часть своих заработков, чтобы она привыкла соразмерять запросы и желания с реальными возможностями, и кажется, мне это удалось. Не то чтобы я купалась в деньгах, какое там, но все же она считала и считает, что я зарабатываю несколько меньше, чем на самом деле. Иногда, правда, я устраиваю ей сюрпризы – дарю хорошие вещи, вожу куда-нибудь на отдых, но у меня всегда есть «заначка» на черный день. Ах да, я отвлеклась. Работу репетитора я ненавидела, но жить-то надо. И вдруг... Бывают в моей жизни такие прекрасные «вдруг»! Мне позвонила одна моя приятельница и бывшая коллега и с искренним возмущением сообщила, что ей, известному диктору, предложили

черт знает что. А именно – вести передачу на молодежном канале, и не просто так, а на сленге.

– Можешь себе представить, я должна была говорить: «Элвис Пресли откинул копыта в таком-то году...» Как тебе такое нравится?

– И ты отказалась? – с замиранием сердца спросила я.

– А ты полагаешь, я могу так низко пасть? Разумеется, отказалась. А ты бы согласилась?

– Я бы с превеликой радостью!

– Ты с ума сошла!

– А чем это хуже ликующих репортажей об успехах советской промышленности или сельского хозяйства? По крайней мере Элвис Пресли и в самом деле откинул копыта. Это правда, и ничего, кроме правды. А уж в каких выражениях сообщать эту правду, мне абсолютно все равно. Хоть в матерных. Умоляю, сведи меня с этими людьми.

Несмотря на неподдельное возмущение, просьбу мою она выполнила. И я своим глубоким, поставленным в Школе-студии МХАТ голосом стала произносить в эфире весьма причудливые сленговые тексты, которые поначалу редактору даже приходилось мне переводить. Но меня это только забавляло. Моя закадычная подруга Натэлла чуть не врезалась в столб, когда в машине услышала по радио, как я читаю этот текст. У нее случилась форменная истерика от хохота. Зато мой братец Гера позвонил вечером и сказал:

– Лёка, передай своим патронам, что это гениальный ход!

У них большое будущее. Мои студенты в диком восторге. Торчат и тащатся.

Вот так я вернулась к любимой профессии и, должна сказать, полюбила ее еще больше. Теперь я зачастую сама пишу свои тексты, черпаю новые словечки и обороты из лексикона внучки и ее окружения.

Наша студия располагается в здании бывшего заводского профилактория, а недавно в это же здание въехал новый дециметровый телеканал и во дворе стало так тесно, что даже пешком пройти проблема, не то что припарковаться. За мной всегда присылают машину, и шофер Вася, въезжая во двор, матерится так виртуозно, что я только диву даюсь. У меня даже создается впечатление, что он своими матюгами разгоняет плотные ряды машин, так что ему удается каким-то образом вклиниваться между ними.

– Ты уж извини, мать, но без этого разве ж по Москве проедешь?

Я только смеюсь в ответ. Он хороший парень, Вася. А в борьбе с московскими пробками все средства хороши. Например Натэлла, женщина с тонким музыкальным вкусом, однажды повергла меня в шок. Мы с ней попали как-то в пробку на Ленинградском проспекте, она тяжело вздохнула, поменяла диск в магнитофоне и вдруг врубила Верку Сердючку. Я чуть из машины не выпала, а подруга объяснила:

– Понимаешь, при пробках помогает, как это ни дико! Вот, смотри, что я говорила!

И в самом деле, пробка начала рассасываться!

– Но как тебе в голову пришло такое купить? – полюбопытствовала я.

– Это не мне, а Датико. Датико был ее любимым племянником.

Я хотела было посоветовать этот способ Васе, но потом решила, что его виртуозный мат для меня приятнее.

Зарплату у нас выдают в конвертах. Вскрыв его, я обнаружила некоторую прибавку. Приятный сюрприз.

– Ошибки нет? – поинтересовалась я на всякий случай.

– Нет-нет, все правильно, – успокоила меня бухгалтерша.

Надо бы чем-то порадовать Стаську, но угодить ей сложно, тем более что Ариадна заваливает ее тряпками, очевидно полагая их достойной заменой материнской любви. И я купила внучке коробку ее любимых конфет «Рафаэлло». Обожаю смотреть, как она их ест. Это целый ритуал. Ни чаю, ни кофе. Она садится в кресло, кладет свои длиннющие ноги на пуфик, двумя пальчиками берет конфету из коробки, подносит ко рту, потом, словно опомнившись, осматривает ее со всех сторон, нюхает, откусывает половину, закрывает глаза и долго-долго мнет языком во рту, наконец громко выдыхает: «Кайф!» – и бросает в рот вторую половину, но уже не смакует, а быстро проглатывает и облизывает пальцы. Интересно, что любые другие конфеты она ест только с чаем и без всяких фокусов. Как-то я ее спросила, почему, но она только

плечами пожала:

– Понятия не имею.

Не успела я войти в квартиру, как позвонила Стаськина классная руководительница:

– Леокадия Петровна, прошу вас выбрать время и зайти в школу.

– Что-то случилось? – перепугалась я.

– Пока нет, но поведение Станиславы... Да и вообще, учебный год только начался и еще можно кое-что сделать... Как-никак выпускной класс.

– Но она же хорошо учится!

– Она стала много пропускать, и, думаю, вы не всегда в курсе.

– Пропуливает?

– Да!

– Я поговорю с ней.

– Леокадия Петровна, если бы я не знала про ваши обстоятельства, я бы и внимания не обратила, но в данном случае... Девочка одна со старой женщиной... Прошу вас, будьте внимательнее. Хорошие оценки еще не все. Есть примеры, когда оценки отличные, а на деле ребенок отпетый...

– Есть что-то конкретное или это так, общие соображения? – вскипела я.

– Пока – общие! Но до конкретного может быть один шаг, – зловеще пропела училка.

– Хорошо, я учту и непременно поговорю с внучкой. Спа-

сибо за сигнал! Это очень мило с вашей стороны, – дрожа от бешенства сказала я.

Идиотка не поняла иронии.

– Ну что вы – это мой долг!

– Я могу пока не приходиться в школу?

– Да-да, я надеюсь этого разговора будет достаточно.

Вот же сука! Я и без нее боюсь за Стаську на каждом шагу, а она... Ну прогуляла девчонка урок, подумаешь, большое дело... Я и сама в юности прогуливала почему зря и ничего, выросла... Сейчас, конечно, совсем другие времена. Я-то, прогуливая, ходила в кино за двадцать копеек, а куда Стаська таскается? И с кем? Надо будет с ней поговорить. Хотя она меня совсем не боится. А вот Геру все же побаивается. Во всяком случае, прислушивается к его мнению. Гера – это мой брат, известный ученый и писатель-фантаст одновременно. Однажды я застала ее крутящейся перед зеркалом в купальнике с трусиками-стрингами, присланном Ариадной. Я знала, что она собирается на день рождения к однокласснику, который будут отмечать в бассейне. И ужаснулась:

– Стаська, ты с ума сошла. Это же просто безобразие!

– Ничего подобного! Очень даже клевый купальник.

– Где ты видишь купальник? Невооруженным глазом его не разглядишь.

– Лёка, ты устарела!

– Естественно, я ведь твоя бабка. Но глаза и мозги у меня пока еще на месте.

– Именно что на месте, вперед не двигаются.

– Не хаами!

– Я не хамлю, просто констатирую факт.

– Сейчас придет Герман, спроси его.

– На фиг! Я все равно пойду так!

– Прямо по улице так пойдешь?

– Я что, похожа на придурочную?

– Как две капли воды! – отрезала я и пошла открывать дверь. – Гера, я прошу, посмотри на нее! – патетически воскликнула я.

– Я, по-твоему, голых девиц не видел? Видел, кстати, и получше.

– Что? – ахнула Стаська. Они с Герой дружат, и она была уверена, что он ее не сдаст.

– Что слышишь! Прикройся, особенно зад, он у тебя слишком тощий, чтобы всем демонстрировать.

Ну она за словом в карман не полезла:

– Ясный перец, такое старье ничего не понимает. Это самый писк и прикол.

– Видишь ли, детка, писк и прикол тоже должны быть к лицу, а в данном случае к жопе. Твоей жопке это не идет. Вероятно, эти трусики призваны возбуждать мужчин, но... У меня лично... они вызывают, я бы сказал, самые неприятные ощущения, несколько даже вонючие...

– Почему? – опешила она.

– Когда я вижу, как глубоко в задницу врезается эта ве-

ревочка, я невольно представляю себе, что когда девица их снимет...

– Хочешь сказать?...

– Вот именно.

И что бы вы думали? С тех пор она и сама таких трусов не носит и на других видеть не может.

Так что Гера умеет с ней справляться. Я этим не злоупотребляю, у него и своих забот хватает. Он профессор в МГУ, к тому же пишет фантастические романы, которые пользуются большим успехом, и это не говоря о том, что у него уже пятая жена, которая моложе его лет на двадцать, к тому же, подозреваю, есть еще и любовница.

Утром Стаська сказала хмуро:

– Лёка, я на кладбище не поеду, сегодня у Нельки день рождения...

– И не надо. Мне лучше одной...

Сегодня день рождения не только у Нельки, но и у моего покойного мужа. Четырнадцать лет тому назад он умер в одночасье, от инфаркта. Умер на работе. Мы успели отпраздновать серебряную свадьбу... Лёня, Лёничка, с его смертью для меня кончилась одна жизнь и началась совсем другая, без любви. Так тоже можно жить, особенно когда есть о ком заботиться. Мы с ним любили друг друга и гордились друг другом. Он был крупный инженер-ракетчик, засекреченный до идиотизма, как водилось в те годы. Интересный, эффект-

ный мужчина, веселый, добрый. Подолгу пропадал на полигонах, по несколько месяцев торчал в Капустинном Яру на испытаниях и конечно же изменял мне. А как могло быть иначе? В закрытых военных городках полно одиноких неудовлетворенных женщин – вдов, брошенок, разведенки, которым некуда отсюда податься...

Но он умел ограждать меня от этого. Я никогда не находила следов помады, чужих вещей, я просто знала, и все. Знала. Потому что любила. Я не устраивала сцен ревности – зачем? Такова жизнь. Но я страдала, еще как страдала... Однако утешалась тем, что физическая измена – это ерунда... И сама иногда ему изменяла, так, для восстановления справедливости. Ни разу за все годы я не замечала и не чувствовала, что он влюблен в кого-то, и всегда чувствовала и знала, что любит он меня. Натэлла уверяла, что по поведению мужчины в постели можно определить, изменял он тебе или нет. Но я никогда ничего такого не замечала, он всегда был весьма изобретателен в постели. Он был старше меня на пятнадцать лет, но с годами в моем отношении к нему появилось кроме всего прочего еще и что-то материнское – чем бы дитя ни тешилось... А в последние годы я и вовсе успокоилась – ему стало не до баб. Перестройка, конверсия, да и возраст. Помню, мы однажды здорово поссорились. Когда было принято решение о выводе наших войск из Афганистана, он расстроился. Я пришла в негодование. А он кричал:

– Да пойми ты, это моя работа, я сделал по их заказу такой

комплекс! И его даже не успеют применить!

– Но ведь это же смерть для тысяч людей!

– А ты что, не знала, чем я занимаюсь? Именно смертью! всю свою жизнь! – Потом он спохватился, понял что-то: – Лёка, думаешь, я не знаю, что эта война – ужас, преступление и все такое? Сколько наших парней погибло, сколько еще бед она наделает в будущем, эта чертова война, но... Ты разве не замечала, что мы никогда не говорим, что работаем на оборону, всегда только «на войну»...

Он был прекрасным отцом, обожал Ариадну, и это он настоял, чтобы родилась Стаська.

– Никаких аборт! Вырастим, воспитаем, вот скоро меня турнут на пенсию, чем прикажешь мне заниматься? Буду внука растить. Или лучше внучку! Да, девочки лучше, их на войну не забирают! А я выращу такую девчонку, чтобы умела за себя постоять! Тобой, Адька, мне некогда было заниматься, зато внучку я возьму на себя! А ты живи, учись, работай, можешь еще и внучка потом подкинуть, я не возражаю!

Он же настоял, чтобы Стаську назвали Станиславой, в честь его отца. Сейчас я часто думаю о том, что он вовремя умер. Не дожил до полного краха армии, хоть никогда не был военным, и всей той системы, которой истово служил всю жизнь. В том мире у него было свое место, а в новом он его не нашел бы, превратился бы в жалкого брюзжащего пенсионера. Нет, он просто покончил бы с собой.

Мне повезло в жизни, что я встретила такого человека и жила за ним как за каменной стеной.

Я еще училась в театральном, и одна девочка с нашего курса пригласила меня к себе послушать записи Вертинского – отец подарил ей магнитофон. Тогда Вертинский был почти забыт. Помню, мы сидели у них на кухне, слушали Вертинского и пили домашнее вино из чайных чашек, на всякий пожарный случай, для маскировки, заедали жирнящим печеньем курабье и курили – разлагались, одним словом. Я совершенно влюбилась в песни Вертинского, особенно меня пленила одна, которую я с тех пор нигде и никогда не слышала. Там были такие упоительные строчки:

Ваши бредят в Лондоне и Вене,
Ваши пьян Мадрид и Сан-Суси,
Это ваши светлые колени
Вдохновили гений Дебюсси.

И забыв свой строгий стиль латинский,
Перепутав грозные слова,
Из-за вас епископ Лотарингский
Уронил в причастье кружева...

Боже мой, как кружилась голова от этих строк у молоденьких студенток театрального училища... Как хотелось и верилось, что из-за нас тоже будут сходиться с ума если не епископы (епископы нас тогда совсем не занимали), но какие-то

знаменитые, талантливые, могущественные мужчины... Но главное – европейские столицы. Когда мы слушали эту песню, наверное уже в десятый раз, в дверях вдруг раздался голос:

– Так! Это что за образ жизни? Мы обмерли от ужаса. В кухню вошел отец подружки, генерал в штатском, а с ним мужчина помоложе, мы вскочили, я зажала в кулаке окурочок, а генерал схватил со стола чашку и отпил глоток.

– Гляди, Леонид, как молодежь время проводит, а? Вертинский, вино, сигареты! Этому вас в институте учат?

Голос у него был грозный, а в глазах плясали веселые черти. Он и сам был подшофе.

– Это ваше счастье, что я тут парней не застал! Леокадия, брось окурочок, а то руку сожжешь, дурища! Ну вот что, девки, быстро заматайте следы оргии и собирайте на стол! Мы голодные! Ольга, грей ужин, чтобы к приходу матери все было чинно-благородно.

Мы, поняв, что гроза прошла стороной, метнулись выполнять приказание, но я все время чувствовала, что этот Леонид то и дело на меня посматривает. Но он же такой старый!

– Лёка, смотри, как он на тебя лупится, – шепнула мне Олька. – Потрясающий мужик, между прочим.

– А сколько ему лет?

– Тридцать четыре.

– Но он же старик!

– Много ты понимаешь! Мужчина в самом соку!

Почему-то от ее слов меня бросило в жар.

Потом мы вчетвером ужинали, и Леонид вызвался меня проводить. Я была жутко смущена, но в то же время мне это польстило. Олька успела нашептать, что он очень крупная шишка для своего возраста, без пяти минут доктор наук и еще, что он вдовец.

У него была бежевая «Волга». Это меня добило. Самое смешное, что он тоже был смущен.

– Куда вас отвезти, Леокадия?

– До ближайшего метро. А то мне далеко.

– Нет уж, я вас до дома довезу. Вы где живете?

– В Черемушках.

– Значит, едем в Черемушки. Какое у вас имя красивое – Леокадия. Никогда не встречал девушек с таким именем. Только по радио слышал – Леокадия Масленникова, певица такая есть. Знаете?

– Знаю.

– А вы, значит, актрисой быть собираетесь?

– Да.

– У вас получится. Вы красивая, и голос у вас...

– Этого еще мало.

– Ну и талант, наверное, есть, если приняли в институт...

– Этого тоже еще мало.

– А что же еще нужно? Блат?

– Нет, везенье.

– А вы разве невезучая?

– Да нет, не сказала бы...

– А парень у вас есть? Хотя что я спрашиваю, еще бы... такая девушка...

И что-то в его голосе было такое, что я испугалась. Что-то такое, что бывает раз в жизни... так мне тогда показалось. И я почему-то ответила:

– Нет, парня у меня нет. Был и сплыл.

– А сколько вам лет, Леокадия?

– Девятнадцать.

– Ох, грехи наши тяжкие, – засмеялся он.

– Какие грехи?

– Замуж хочешь?

– Что? – перепугалась я.

– Замуж за меня пойдешь?

Это было романтично, как в кино, но настолько дико...

– Что, страшно? – нежно улыбнулся он.

– Да, – призналась я. Потом он говорил, что именно в этот момент полюбил меня.

Пожились мы только через год. Многие девочки мне завидовали, а Ольга Густавовна, наш педагог по сценречи, с грустью сказала:

– Для актрисы такой муж – не в радость.

– Почему?

– За границу тебя выпускать не будут.

– Подумаешь! – фыркнула я. – Не больно-то и хочется.

Как послушаешь рассказы о заграничных гастролях, с души

воротит. Бульонные кубики, сырокопченая колбаса и консервы... Это же так унижительно...

Она очень внимательно тогда на меня посмотрела, как будто впервые видела.

– В чем-то ты права, наверное. И все-таки, когда труппа уедет, а ты останешься... И если в кино будешь сниматься, никаких тебе кинофестивалей.

– Почему? А московский? – смеялась я. Я была уже влюблена на всю катушку. А театр... Что театр, наверное, я смогу без него обойтись.

И он тоже без меня смог. Ни в один московский театр меня не взяли. И кто-то посоветовал мне прослушаться на радио. Лёня был счастлив. С одной стороны, я при деле, при профессии, а с другой, никто меня в лицо не знает, никакая звездная болезнь мне не грозит. К тому же диктор всесоюзного радио – это звучало...

Я долго пробыла на кладбище, хотя погода стояла ужасная. Дождь, холод. Но мне хорошо вспоминалось там, было грустно и нежно на душе. Он был самой большой моей любовью, даже единственной, все остальное не в счет.

После его смерти были претенденты, как говорится, на руку и сердце, но я даже представить себе не могла другого мужчину рядом с собой, в одной квартире. Лёня никогда меня не раздражал, даже удивительно. Он был неприхотлив и очень благодарен в быту, никогда не лез в женские дела. У него было свое большое дело в жизни. И он любил меня,

несмотря на многочисленных баб, которых я про себя называла «подножным кормом». Мучилась из-за этого, но твердо знала – любит он только меня. И это было важнее всего. Я сидела на лавочке под зонтом и вспоминала, вспоминала... Все-таки я – счастливая женщина, в моей жизни была настоящая большая любовь, и мы прожили вместе так много лет... Внезапно мне стало холодно. Пора уходить. Прощай, Лёнечка...

...Выйдя из лифта, я услышала странные звуки. Как будто в квартире били посуду. Я испугалась. Звон разбитого стекла повторялся со странной периодичностью. Я дрожащими руками отперла дверь и бросилась на кухню. Пол был усеян осколками. Стаська с застывшей на лице странной гримасой сидела на стуле и швыряла на кафельный пол блюда от кофейного сервиза.

– Ты спятила? Прекрати сейчас же! – заорала я.

Она подняла на меня глаза и все же с той же гримасой шмякнула об пол очередное блюдо.

У меня от ужаса волосы на голове зашевелились. Она что, с ума сошла? Но нельзя поддаваться панике.

– Станислава! – Я грохнула кулаком по столу. – Я с тобой разговариваю.

Бац! Еще одно блюдо разбилось вдребезги.

Я схватила телефонную трубку и сделала вид, будто набираю номер.

– Скорая психиатрическая? Приезжайте скорее, моя

внучка сошла с ума. Записывайте! Городецкая Станислава Юрьевна, семнадцать лет, школьница... Буйное помешательство.

– Лёка, перестань! Лёка! Я положила трубку.

– Очухалась?

– А ты что, сдала бы меня в психушку? – злобно прищурилась она.

– Можешь не сомневаться. Говори, что стряслось?

– Я поеду в Америку!

– Что?

– Что слышала!

– Не смей хамить!

– Я поеду в Америку!

– Ну поедешь, а зачем же стулья ломать?

– Какие стулья?

– Классику читать надо! Посуду зачем била? Смотри, что наделала, поганка. Из чего мы теперь пить будем?

– Не преувеличивай! Из этого идиотского сервиза мы никогда не пьем.

– А стаканы?

– Купим, они дешевые.

– А если б я не пришла, ты бы и до веджвудского сервиза добралась? Ты же собиралась на день рождения?

– Рассобиралась, – мрачно буркнула она.

– Ладно, черт с ней, с посудой, говори, в чем дело.

– На, наслаждайся!

Она протянула мне пачку фотографий. Надо заметить, что за все годы Ариадна прислала всего три фотографии. А тут целая пачка. У меня задрожали руки и заболело сердце. Чтобы я о ней ни думала, но она же моя единственная дочь. Я жадно всматривалась в ее лицо.

– Смотри, дальше смотри, что ты так долго? – раздраженно торопила меня Стаська.

– Отвяжись! И собери осколки. Пока не соберешь, я с тобой разговаривать не буду.

Она покорно взялась за веник, а я сгребла фотографии и ушла к себе.

Я видела за последние годы сотни подобных фотографий у друзей и знакомых, чьи родственники уехали за границу. Красивые, яркие картинки словно бы демонстрировали нам, оставшимся, как все здорово и роскошно у них там, какие они умные, что уехали и нисколько об этом не жалеют. А вы, убогие, смотрите и завидуйте. Может, мне это только кажется, не знаю. И тут был такой же набор – красивая женщина в красивых шмотках, красивый дом, красивая машина, красивая собачка на руках. И очень красивый мужчина, высокий, широкоплечий, молодой. Ариадна рядом с ним кажется совсем маленькой и хрупкой. А он так нежно ее обнимает. Она с годами стала еще красивее и почти не постарела. Но что-то в ней неуловимо изменилось. Выражение лица? Не пойму, но она кажется какой-то чужой... Боже мой, неужто я забыла родную дочь? Единственную, обожаемую.

– Ну как тебе эта физия? – раздался за спиной голос Стаськи.

– Не смей так...

– Лёка, ты со мной поедешь? Она обещает прислать бабки.

– Отстань, я хочу побыть одна.

– Да не мучайся ты, она просто сделала пластическую операцию.

– Что?

– Нос другой, не видишь, что ли?

Господи, так вот в чем дело! А я не сообразила. Но как Стаська-то заметила? Столько лет прошло, и, казалось бы, она и знать о матери не желает, а вот поди ж ты! Сердце заныло еще сильнее.

– Лёка, мы поедем?

– Что это вдруг тебе приспичило?

– А ты письмо еще не читала? Нас не просто так зовут, а на свадьбу! Интересно же! Девятого февраля у них свадьба.

– А как же школа? – машинально спросила я.

– Плевать! Всего на две недельки, Лёкочка!

– Но с чего вдруг такая перемена?

– А ты посмотри, как красиво... Она ткнула пальцем в фотографию, на которой Ариадна, сидя на корточках, переживает какой-то экзотический цветок из одного горшка в другой, а за спиной у нее дивные зеленые холмы.

– Зеленые холмы Калифорнии, – задумчиво проговорила Стаська. – Я хочу это видеть своими глазами.

Я внимательно на нее посмотрела. Она выдержала мой взгляд.

– Лёка, пожалуйста!

– Послушай, но зачем ехать именно на свадьбу? Ей там не до нас будет.

– Ей всегда не до нас, но тут она так приглашает... Ты почитай письмо. Она пишет, что к ним в сад заходят еноты, а иногда олени.

– Сходи в зоопарк.

– Лёка, ну пожалуйста, я тебя просто умоляю.

– Езжай одна.

– Нет, одна я не поеду.

– Но нас вместе могут не впустить в Америку. Получить у американцев визу не так легко.

– Не пустят, тогда другое дело. А мы должны попробовать! Все-таки свадьба. И зеленые холмы Калифорнии. Знаешь, я думала, там одни пальмы. А здорово звучит – зеленые холмы Калифорнии, даже лучше, чем у Хемингуэя. «Зеленые холмы Африки». По-моему, у меня лучше – зеленые холмы Калифорнии.

Я только рот разинула. Она читала Хемингуэя? Людям моего поколения даже в ее возрасте стыдно было не читать Хемингуэя, но теперь...

– Так мы поедem, Лёкочка?

– А отпуск? Вдруг не дадут, на школу еще можно плюнуть, но на работу...

– Лёка, тебя же на работе ценят, а свадьба дочери стопудово уважительная причина.

– Возможно, ты и права, но скажи мне все-таки, почему ты посуду колошматила?

Она отвела глаза. Слегка покраснела.

– Это... из-за другого.

– Из-за чего конкретно?

– А можно я сейчас не буду говорить?

– Нельзя.

– Ну, я с Мишкой поругалась.

– Врешь.

– Лёка, честное слово. Понимаешь, он сказал, что я... совершенно не сексапильная. Что вообще-то я клевая, но не сексапильная. Ну я и психанула.

Я не поверила ни одному слову, но поняла, что сейчас настаивать бесполезно.

– Дело твое. Хочешь – молчи.

– А как ты считаешь, я сексапильная?

– Понятия не имею. Но в том, что ты набитая дура, у меня нет и тени сомнения.

Она бросилась меня обнимать. На этом инцидент, казалось бы, был исчерпан. Однако страх за нее стал еще сильнее.

Ариадна

Неужели они действительно приедут? Даже не верится. Но им уже дали визу и билеты заказаны... И мне страшно. Даже не знаю, рада я или нет. Почему Стаська вдруг сменила гнев на милость? Я ведь совсем-совсем ее не знаю. Встречи с мамой я не боюсь... ну или почти не боюсь. А Стаська... Она ведь уже взрослая и очень хорошенькая. Мне никто не дает моих лет, а такая взрослая дочь... И характер у нее не дай бог. Она ведь все эти годы знать меня не хотела, а тут вдруг... Я дура, я все-таки полная дура, зачем мне понадобилось приглашать их на свадьбу? Похвастаться захотелось? Наконец-то сбывается все, о чем я мечтала, и мои близкие, мама и дочка, должны увидеть это своими глазами. Но куда лучше было бы потом, после свадьбы, самой полететь в Москву. Проще и значительно дешевле. Фу, нехорошо так думать, стыдно... Вон, даже красные пятна выступили... И все-таки, как я тут с ними буду управляться? Они же не водят машину, а у меня ведь работа... Конечно, я куплю им несколько экскурсий, на уикэнд сама куда-нибудь их отвезу. А, ладно, как-нибудь. Я хочу увидеться с мамой, она просто обрадуется, а вот Стаська... Кто ее знает... Будет смотреть на меня злыми глазами. Я плохая мать, я никудышная мать... Может, я еще рожу ребенка, я еще нестарая, и ему я, наверное, смогу быть хорошей матерью... Это же будет ре-

бенок от любимого... Господи, это папа во всем виноват. Он не позволил мне сделать аборт. Ой, грех какой даже думать так. А вдруг Стаська повзрослела, поумнела, влюбилась и сможет наконец понять свою беспутную маму? И простить? А может, ей что-то от меня понадобилось? Девчонки из России жаждут приехать в Америку и, как говорится, попытаться здесь счастья, но далеко не у всех в Америке живет родная мать. Вдруг она решит попросту здесь остаться? Это было бы ужасно. Неприятностей не оберешься, к тому же молоденькая красивая девчонка с трудным характером в доме, где есть молодой красивый мужчина... Нет, этого допускать нельзя, ни в коем случае. Боже, что я делаю? Заранее настраиваю себя против единственной дочери, перед которой к тому же безмерно виновата... Ах, как я не люблю чувствовать себя виноватой, а моя вина только возрастает и возрастает. Нет, нельзя все-таки поддаваться порывам. Но кто мог предположить, что на этот раз она не порвет мое приглашение? Вечно я сначала делаю, а потом думаю. А, ладно, что будет, то и будет. В конце концов до их приезда еще больше двух месяцев. Зачем раньше времени расстраиваться? Только бы свадьбу не испортили... У мамы по телефону голос теплый, она рада, мама есть мама. Стаська к телефону не подходит, то ее дома нет, то еще что-то... Как когда-то в моей юности шутила мама: «Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери мамцом!»

Стася

Кажется, Лёка поверила насчет ссоры с Мишкой. Или сделала вид. Да какая на фиг разница? Главное – она перестала меня доставать с этой посудой. Конечно, я погорячилась. Но в тот момент мне хотелось не только блюдца с чашками бить, а вообще разнести на фиг весь дом. Но тогда Лёка уж точно меня в психушку бы отправила... Или нет? Я ведь заметила, что никуда она не звонила, только придуривалась. Она доверчивая и жутко добрая. Думает, я ее боюсь. Пускай думает, если ей так легче. И я здорово наврала насчет того, что Мишка сказал, будто я не сексапильная. В моем возрасте такие мысли вполне естественны для девушек, и насчет зеленых холмов тоже прикольно получилось. Она купилась стопудово! Я и правда люблю читать. Только не их дурацкого Хемингуэя. Скучища та еще! А название «Зеленые холмы Африки» я просто запомнила. А вообще туфта. Это им с голодухи все гениальным казалось. Разрешили Хемингуэя и Ремарка, они и кинулись... У меня любимая книжка «Сто лет одиночества». Это чудо! А остальные романы Маркеса – скука смертная. Непонятно даже, как он такое чудо написал... Когда там бабочки летают, у меня внутри все от восторга сжимается, дух замирает... И еще когда я «Барышню-крестьянку» или «Метель» читаю... А другие повести Белкина мне как-то по барабану... С Лёкой я по поводу литературы не

откровенничаю. Она не понимает, у нее какие-то свои представления. Пушкина, например, надо любить всего, и точка. И Лермонтова всего. И Гоголя. Но я умею с понтом под зонтом такие турусы на колесах развести, что Лёка только глаза таращит и тихо радуется, что у нее внучка начитанная. Пусть радуется, старушка, ей и так не сладко... А в Америке, если все получится, ее вообще инфаркт хватить может. Хотя у нее сердце, слава богу, здоровое. Да и не такая уж она старая по нашим временам. Пятьдесят восемь с половиной. Зря я ее уговорила со мной лететь, по привычке просто, ведь она моя надежда и опора... Лучше бы одной, у меня руки были бы развязаны, а при Лёке труднее будет... Ничего, еще время есть, и надо как следует подготовиться. Мамалыга должна просто рухнуть, когда меня увидит. Подготовка уже идет полным ходом. Ничего, цель оправдывает средства...

Леокадия Петровна

Я возвращалась домой от Натэллы и у метро столкнулась с матерью Стаськиной одноклассницы.

– Леокадия Петровна, здравствуйте, вот хорошо, что я вас встретила. Знаете, мне надо с вами поговорить!

– Добрый вечер, Елена Владимировна, – вежливо ответила я, не испытывая ни малейшего желания с нею говорить. Но никуда не денешься, она живет в нашем доме и идти придется вместе. Эта дама лет сорока была активнейшим членом родительского комитета, который в выпускном классе развил весьма бурную деятельность.

– Леокадия Петровна, я просто обязана вас предупредить... – довольно зловеще начала она.

У меня заныло сердце. Неужели Стаська опять что-то натворила?

– Слушаю вас, Елена Владимировна.

– Вы знаете, что Станислава торгует в школе поношенными вещами?

– Что? – оторопела я.

– Да-да, именно так! Она распродает вещи, присланные из Америки. Согласитесь, занятие не самое благопристойное.

– Соглашусь, хотя, с другой стороны, в этом возрасте могло бы быть и хуже!

– Ну конечно, зарабатывать проституцией хуже. Но вы,

разумеется, не в курсе дела?

– Нет, я ничего не знала. Но этому будет положен конец. Дура она еще...

– Судя по вашему тону, вы к ней слишком снисходительны. А она девочка с тяжелым характером, впрочем, понятно, без матери растет. Только вы уж не говорите ей, что это я вам сказала, а то моей Ляльке достанется... Она у меня тихая, скромная и не умеет за себя постоять. А Станислава бывает очень агрессивной и несдержанной. Вы уж простите, я понимаю, вам и так трудно... Но я должна была вас предупредить, просигнализировать, так сказать...

– Спасибо за предупреждение.

И как это я не заметила? Давно шмона не устраивала, все времени не было. У нас поменялась сетка вещания, и у меня стало меньше возможностей для обысков. Но завтра я не работаю и все выясню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.